

Вечером в восемь часов, когда последний отблеск заката окончательно поглотил горизонт, город будто в одно мгновение сменил лицо. Дневная суeta и шум улеглись, и начала пробуждаться иная жизнь.

Бесчисленные неоновые вывески зажглись одна за другой, словно разливающаяся цветная река, очерчивая контуры высотных зданий и превращая улицы в причудливый, фантасмагорический мир.

В отличие от упорядоченной цивилизованной дневной картины, ночной город походил на огромную невидимую воронку, источающую искушение, неясную тревогу и привкус опасности.

На относительно тихой задней улице тихо засияла массивная, с пугающим дизайном вывеска бара Призрак, словно молчаливый соблазнитель. У черного входа время от времени суетливо проходили сотрудники в униформе, слышались звуки разгрузочных тележек и приглушенные разговоры.

Фан Синхэ находился как раз за этой неприметной железной дверью, в тесной и душной комнате отдыха персонала. Он только что сменил свою застиранную школьную форму на черную униформу официанта. Одежда была слегка приталенного кроя, ткань с дешевым блеском, но она неожиданно подчеркнула его худощавую, но статную фигуру, добавив не по годам зрелый вид. Он стоял перед тусклым зеркалом, покрытым разводами и царапинами, глядя на того самого человека, который был ему одновременно и знаком, и чужд.

Дневной бедный студент, грызущий сухари в библиотеке с ясным и твердым взглядом, исчез. Он глубоко вздохнул, словно совершая какой-то ритуал, стараясь тщательно спрятать и разгладить остатки школьной наивности, усталость от ночных занятий и раздражение от предстоящей работы. В конце концов, в зеркале осталось лишь лицо, спокойное до почти полного безразличия. Блеск в глазах был намеренно приглушен, словно подернут дымкой, а уголки губ застыли в стандартной, лишенной тепла улыбке — она не располагала к себе, но и не казалась грубой. Это была маска, которую он создал для себя сам, профессиональный доспех, защищающий его внутренний мир в этом шумном, тщеславном и разношерстном месте.

Он толкнул тяжелую, обитую звукоизоляцией заднюю дверь, и оглушительная электронная музыка, подобно осязаемой волне, смешанной с густым запахом алкоголя, приторными духами, сигарным дымом и чем-то неопиcуемым, принадлежащим миру желаний, мгновенно поглотила его. По ту и эту сторону двери были два совершенно разных мира. Ослепительные лазерные лучи безумно прорезали полумрак, создавая призрачные светотени. На танцполе в ритме музыки самозабвенно извивались фигуры, напоминая шабаш демонов; в зоне столиков звенели бокалы, слышался смех, а мужчины и женщины в двусмысленном освещении глядели друг на друга затуманенными взглядами. Это был рай для распутства и наслаждений, арена битвы денег и желаний, создающая резкий и ироничный контраст с его дневной средой — школой, полной книжной мудрости, рациональности и порядка.

— Синхэ, ты чего застыл? Столик А05, добавь еще две бутылки Черной метки, и прихвати ведерко со льдом, побольше льда, там клиенты требовательные, — бригадир Ли появился у него за спиной неизвестно когда, похлопал его по плечу, и голос его из-за громкой музыки

звучал искаженно, с не терпящими возражений нотками спешки.

Фан Синхэ быстро взял себя в руки и кивнул. Его голос был негромким, но отчетливо прорезал фоновый шум:

— Хорошо, господин Ли, сейчас сделаю.

Он повернулся и направился к барной стойке, ступая уверенно. Долгий опыт подработок приучил его сохранять равновесие и эффективность в любой обстановке.

Он принял у бармена две тяжелые бутылки виски и ведро, полное льда, аккуратно расставил все на подносе. Затем, подобно юркой рыбе, с подносом в руках он заскользил сквозь плотную и возбужденную толпу.

Ему нужно было смотреть в оба и слушать всё вокруг: не только избегать столкновений с пьяными, шатающимися посетителями, но и боковым зрением остро улавливать малейшие движения клиентов в своей зоне — взмах руки, ищущий официанта взгляд или сигнал о том, что бокал пуст.

— Ой, красавчик, лицо незнакомое. Новенький? Раньше тебя не видела, — раздался кокетливый голос с явным оттенком соблазна. Фан Синхэ только что подал напитки на столик А05 и собирался уйти, как вдруг чья-то рука с ярко-красным маникюром потянулась к нему, явно желая схватить за запястье. Говорила молодая женщина с изысканным макияжем и в откровенном наряде, сидевшая с друзьями; ее взгляд дерзко блуждал по его фигуре.

Фан Синхэ замер, незаметно сместился в сторону, ловко отгородившись от протянутой руки пустым подносом. На его лице сохранилась стандартная профессиональная улыбка, тон был вежливым, но с четкой дистанцией:

— Здравствуйте, госпожа. Ваш заказ — напитки и лед — доставлен полностью. Я стажер, работаю здесь недавно. Подскажите, нужно ли вам еще что-то?

Он мастерски вернул разговор в рамки работы, ответив собеседнице и одновременно обозначив границы. Видя, что его реакция была равнодушной — он не поддался на заигрывания и не растерялся, — женщина сочла его скучным, скривила губы, убрала руку и махнула:

— Больше ничего, иди, иди.

Фан Синхэ слегка кивнул и отошел, почувствовав облегчение, но вместе с тем и легкую досаду. Такие подкаты и прощупывания почвы случались почти каждую ночь, когда он только начал здесь работать. Сейчас он уже умел ловко справляться с этим, но каждый раз чувствовал себя некомфортно.

Вернувшись в относительно безопасную зону бара, к нему подошел коллега А-Цзе. А-Цзе был двадцатилетним парнем, пришел на полгода раньше Синхэ и уже успел стать местным

прожженным типом. Он подмигнул и толкнул Фан Синхэ локтем, понизив голос, засмеялся:

— Ну ты даешь, Синхэ, обаяние не угасает! Очередная богачка запала на твое личико? Похоже, денег не жалеет, не подкинула чаевых тайком?

А-Цзе знал, что Фан Синхэ никогда не берет чаевых, но любил подшучивать над этим. Фан Синхэ взял со стойки тряпку и, не поднимая головы, принялся усердно тереть несуществующее пятно, ответив ровным голосом:

— Цзе-гэ, хватит шутить. Я просто подрабатываю, получаю положенную зарплату — и ладно. К тому же, компания строго запрещает брать чаевые.

— Тц, правила — это для мертвых, а люди-то живые! Такой ты упрямый, когда разбогатеешь? — А-Цзе недоверчиво покачал головой, а затем таинственно подался ближе и кивнул подбородком в сторону самого выгодного и уединенного столика в баре. — Видишь? Там, столик А01, только сегодня пришли, настоящие крупные клиенты! Говорят, фамилия Хо, корни такие глубокие, что даже наш босс должен быть с ними предельно осторожен. Видишь тех, кто с ним? Это не простые люди. Если будешь порасторопнее и сможешь добиться, чтобы они заказывали через тебя, прислужишь хорошо — они с барского плеча скинут столько, что хватит на месяц твоей каторжной работы!

В голосе А-Цзе сквозили зависть и подстрекательство. Фан Синхэ мельком взглянул в сторону, на которую указал коллега. Столик А01 находился на возвышении и был отделен полупрозрачной ширмой, что обеспечивало хороший обзор и приватность.

Сейчас там сидели человек пять, мужчины и женщины. Одеты они были вроде бы небрежно, но каждая деталь выдавала высокую стоимость вещей. Они говорили негромко, держались расслабленно, но вокруг них словно само собой возникло невидимое поле, отсекающее окружающий шум.

В центре, окруженный остальными, сидел мужчина в темной рубашке. Профиль его был холодным и жестким, даже в расслабленной позе спина держалась идеально прямо, излучая власть, которую невозможно было игнорировать.

Фан Синхэ не стал долго смотреть и быстро отвел взгляд. В душе не было ни волнения, ни интереса, скорее отторжение.

Он опустил голову и продолжил протирать стойку, голос оставался спокойным:

— Спасибо за совет, Цзе-гэ. Но я все же думаю, что лучше просто хорошо делать свою работу, а о лишнем не думать.

А-Цзе посмотрел на него как на диковинного зверя и в конце концов с досадой пожал плечами:

— Ну и ладно, считай, что я ничего не говорил. Парень, не знаю, то ли ты слишком честный, то ли у тебя в голове зреет план покрупнее! — Сказав это, он развернулся и ушел по своим делам.

Фан Синхэ не стал оправдываться. Только он сам знал, какое отвращение и неприятие вызывает у него эта среда. Приторный аромат, смешанный с запахом табака и алкоголя, часто вызывал у него тошноту; оглушительный, непрекращающийся ритм музыки, как тяжелый молот, стучал по вискам, держа нервы в постоянном напряжении; а те взгляды, что то открыто, то украдкой оценивали его с разными целями, проверки и двусмысленные слова заставляли его чувствовать себя как на иголках, нервы были натянуты до предела.

Каждое ловкое уклонение от нежелательных прикосновений, каждый безупречно вежливый ответ на сальные или высокомерные шуточки стоили ему огромных душевных сил и ущемляли достоинство. Он ненавидел эту фальшь и мишуру, где людей превращают в товар, где всё имеет цену, а всё вокруг построено на деньгах и желаниях.

Но реальность была ледяными оковами.

Почасовая оплата в баре Призрак была в два, а то и в три раза выше, чем в ресторанах у университета, магазинах или на репетиторстве.

Этот дополнительный доход был критически важен для жизни его матери: он позволял оплачивать новые, более эффективные, но и более дорогие лекарства от ревматизма, откладывать деньги на непредвиденные расходы в следующем семестре и даже изредка покупать матери фрукты, которые она любила, но на которые ей было жалко тратить деньги.

Он был подобен растению, выросшему на краю болота: чтобы выжить, корни были вынуждены глубоко уходить в эту неприятную ему тину, отчаянно впитывая питательные вещества, необходимые для жизни, в то время как все ветви и листья изо всех сил тянулись к далекому слабому свету, стараясь не быть поглощенными и ассимилированными окружающей грязью.

Он постоянно твердил себе: Фан Синхэ, держись, это лишь временная мера. Как только закончишь университет и найдешь достойную работу, всё наладится. Всё, что ты делаешь сейчас, — ради этой цели, ради того, чтобы мама жила хоть немного лучше.

— Синхэ! Не стой столбом, за столиком A01 просят меню. У тебя глаз наметан, действуй быстро, отнеси им. Будь внимателен, не напортачь. — Голос бригадира Ли прозвучал снова, с едва заметной нервозностью — было ясно, что он придает этой компании особое значение.

Фан Синхэ вернулся из своих мыслей в реальность. Он глубоко вдохнул, словно пытаясь вытолкнуть из груди накопившуюся муть, затем заново поправил маску под названием профессионализм, убедившись, что каждый изгиб лица выглядит как надо.

Он взял со стойки изящное меню в кожаном переплете, словно держал в руках важный реквизит, развернулся и, чеканя шаг, уверенно направился к тому углу, который символизировал власть и богатство — мир, бесконечно далекий от его собственного.